

Никита Рыбаченко

## Зачем меня сюда вернули?

Солнце планомерно поднималось с запада. Выключалось уличное освещение. Стрелки наручных часов шли назад.

Петр Николаевич смиренно сидел на вокзальной лавке и ждал своего поезда. По правую руку от него лощеный парень возвращал через трубочку какой-то вид лимонада в пластиковый стакан. Петр Николаевич наблюдал.

Он видел солдатиков, спрыгивающих с поезда на ходу, вслед за ними вылетали их сумки прямо в руки. Женщины прикладывали к щекам платки, оставляя на коже слезы, ползущие вверх и залезающие обратно в уголки глаз. Неразборчивая речь вокзального диктора казалась еще несноснее, потому что звучала задом наперед.

Петр Николаевич посмотрел на главные вокзальные часы. Его поезд должен был прибыть к шести, а время без двадцати. Он ждал, хотя понимал, что пять минут назад было без пятнадцати, значит, поезда не будет. Деваться уже некуда, стоило идти домой сейчас, но ресурс на пешую прогулку появился не сразу. Собраться с силами бывало трудно и раньше, когда ты просто не властен над временем, а Петр Николаевич еще и не понимал его. Ему не было понятно, как люди могут вдыхать углекислый газ и выдыхать кислород. Не стало понятно, как все могут так спокойно ходить задом наперед, словно наступила эпидемия имени Майкла Джексона. Наступали странные дни, а может, и отступали – это тоже логическая загадка.

Протискиваясь между спинами людей, он вышел с вокзала, выбрал направление к дому и пошел. Стал собираться дождь

в самой буквальной форме: лужи начинали немного бурлить, из них вырисовывались капли, которые очень резко взлетали в небо.

Говорить Петру Николаевичу давно не с кем, мысли играли в голове. Все друзья его же возраста стали тараторить звуки в обратном порядке. Сперва компания мучилась друг с другом, пытаясь разобрать все на слух. В какой-то момент инженерное образование дало о себе знать, и каждый стал приносить кассетный магнитофон – записываешь товарища, проигрываешь в обратном порядке, все понимаешь. Но нюансы метода в виде часто ломающихся кассетников, стоящих денег кассет и сама муторность процесса дали о себе знать. Проще забыть о друзьях, которых знал всю жизнь. Зачем им эта обуза в виде человека, живущего вперед? Они ведь станут только молодеть с годами, снова проживать все лучшие моменты в жизни. Пусть и жить им как предоплату получать – сперва хороший результат, а после долгоиграющий труд до самого старта. Такой у них теперь быт.

На пешеходном красный, нужно стоять. Хоть это не переменилось. Петр Николаевич поднял глаза на циферблат: тридцать восемь, тридцать девять, сорок, мигающий зеленый. О! Мигающий зеленый – это знак начала движения, пока цифра не начнется с трех и дойдет до двадцати. Он перешел дорогу и обернулся на машины, которые едут задом. Это казалось забавным, потому что раньше у автомобилей было пять передач вперед и одна назад, а теперь все наоборот – мы пятимся. Петр Николаевич опустил глаза и пошел дальше.

Как глупо все-таки он выглядел для окружающих. Только представьте, со стороны-то все идут по своим делам, и только один чужак спиной вперед, всех смешит до колик. Мало ли городских сумасшедших, но этот уникальный. Притом Петра Николаевича никогда не покидал маленький огонек надежды, что есть кто-то еще такой же странный, как он. Кто-то еще питается в правильную сторону и книги читает справа налево. Надежда была, а больше ничего, потому что ни проверить, ни доказать это невозможно. Невероятно в неправильном мире найти еще кого-то правильного, пока он сам тебе не встретится. Поэтому Петр Николаевич и стал при ходьбе смотреть исключительно вниз – по-

стоянно видеть приближающиеся спины утомляет. Может быть, второй такой чудак тоже смотрит только вниз, вот они и разминулись уже миллион раз, а внимания друг на друга так и не обратили. Ни проверить, ни доказать.

Он остановился, когда заметил под ногами какую-то странную каменную крошку красного цвета. Минуту или две разглядывал, пока она в момент не собралась в кирпич и не улетела в руки мальчишке, который торчал из окна четвертого этажа. Петр Николаевич хотел было выругаться, что его чуть кирпичом не пришибло, но ему стало жалко маму этого мальчика. Ей довольно скоро рожать этого балбеса обротно, а голова-то у него огромная. Бедная, бедная женщина. Нужно идти домой.

Иногда приходили мысли, которые еще называют судьбоносными. Не из-за того, что они меняют судьбы, а потому что такие мысли заставляют в судьбу поверить. «Зачем меня сюда вернули?» А оно и правда, зачем? Разве могло случиться так, что все человечество в момент остановилось, постояло и развернулось, а только один преклонного возраста мужчинка продолжил делать то, что делал раньше. Не просто же так он лишился преподавательской работы, не просто так оставил друзей и знакомых. Не просто он уже который день не может уехать на этом чертовом вечернем поезде, ведь просыпается ранним вечером. Как в юности думал, что расстался с какой-то девчонкой, потому что суждено семью строить с другим человеком. Но Петр Николаевич так никого и не встретил, семьи у него не было. Выходит, просто так расстался. Нет, этот случай точно другого толка – жизнь не бьет по одному месту дважды. Его не могли вернуть случайно.

Он вошел во двор. Повернул голову направо – мальчишки играют в лобтуф, пытаются дать забить другой команде. Повернул налево – соседка Поля Марковна собирает удобрения из вагонов обратно в пакет. Вот это можно понять: хобби у человека – пытаться из целого перца сделать семена, обратно сжать методом ожидания и отбирания всех питательных веществ. Достать-то из самого перца любой дурак может. Любой живущий вперед дурак может достать из перца семена.

Зашел в подъезд, после в квартиру, сел в прихожей. Заплакал. После пары шлепков себе по лицу со словами: «Соберись, ты же инженер», – пошел в спальню, чтобы раздеться. Время раннее – пять утра, рассвет. Клонило в сон. Сон – это потрясающая возможность для Петра Николаевича вспомнить, что значит покупать продукты не молча, а даже пофлиртовать с кассиршей. Лег на спину, попытался уснуть.

Что-то в этом было. С целью его вернули, не просто поиздевались, как во все прошлые разы. Может быть, Петр Николаевич должен был что изменить? Не в личной жизни, конечно. Если бы в личной, то он бы сейчас тоже задом ходил. Крупное историческое событие? Или мелочь какую, которая после эффектом бабочки уничтожит всю сельдь в мире? Зачем же его вернули? Высший замысел такого выбора с кондачка не увидишь, думать нужно основательно.

Или уже вышло так, что не мог Петр Николаевич начать жить назад, как это делают все? То ли совесть ему не позволила, то ли глупость.

